

ARTS +

Джек
Хартнелл

Голое Средневековье

Жизнь, смерть
и искусство
в Средние века

Издательство АСТ
Москва

Оглавление

СРЕДНЕ- ВЕКОВЫЕ ТЕЛА 5

Где начало? 9
Мы — тысячу лет
назад 13
Насмешки и отвращение 17
Лекари в истории 23
Народы и фольклоры 29
По ту сторону слов 33

ОРГАНЫ ЧУВСТВ 61

Увидеть
зрение 65
Принохаться
к прошлому 69
Навострить уши 75
Рот, язык и зубы 82

КОСТИ 119

Место для
костей 124
Камни над
костями 132
Работа с костями 137

ГОЛОВА 36

Мозг 40
Сумасшествие
и облысение 45
Обезглавливание 51
Святая голова 56

КОЖА 91

Внешние
качества 99
Цветовая
коллизия 102
Слова на коже 107
Вторая кожа 112

СЕРДЦЕ 143

Врачевание
сердца 145
От всего сердца 148
Взгляд на любовь 155

КРОВЬ 168

Плохая
кровь 173
Хорошая кровь 178
Живая кровь 183
Штопальщики 186

ЖИВОТ 213

Пир
и пост 218
Кишки 225
Анальные
искусства 225

НОГИ 267

Коготь
дьявола
и босые
ноги 274
На коне, на корабле,
на своих двоих 279
Ноги в разных
направлениях 287

РУКИ 192

Что касается
прикосновения 195
Применения рук 201
Знаками и рукопо-
жатьями 206

ГЕНИТАЛИИ 236

Женские
секреты 241
Второй пол 250
Сексуальность и древо
пенисов 256
Гадание по моче 262

БУДУЩЕЕ ТЕЛ 295

**Выражения
признательности 303**

Средневековые тела

В 2003 году парижский торговец продал за неразглашаемую сумму частному коллекционеру из Канады мумифицированную человеческую голову. В самой такой сделке нет ничего необыкновенного. Человеческие останки, как и всякие иные ценные предметы старины, гуляют по международным рынкам как медицинские курьёзы или дорогостоящие раритеты. Но этот предмет, вернее, это тело вызвало особый интерес.

И в самом деле, голова производит сильное впечатление. Сохранившая выразительный вид трупного окоченения, она откинута назад относительно линии обрезанных плеч, горло выпячено, рот приоткрыт. Широкая трещина спускается от середины лба, а если повернуть голову затылком, видно, что когда останки были извлечены из земли, череп удерживался в целом состоянии обручем. Макушка снята, как крышка с коробки печенья, мозг удалён, осталось только его сморщенное основание и ровный обрубок спинного хребта.

Группа французских палеопатологов получила разрешение провести детальное исследование останков, чтобы разузнать побольше об этой таинственной реликвии. Были задействованы инновационные медицинско-археологические техники, и начали появляться разнообразные сведения о покойном. Исследователи установили, что это белый мужчина, которому было, вероятно, около сорока пяти лет в момент смерти. По коротким рыжим волоскам на подбородке и верхней губе можно предположить, что

Голова и плечи трупа, проданного на антикварном рынке в 2003 г.

6 у него были каштановые волосы. Несколько анализов подтвердили, что голова и плечи были предохранены от разложения с помощью быстро застывающей металлической восковой смеси на основе ртути, введённой в главные артерии вскоре после смерти, что позволило закрепить положение головы, как в скульптурном слепке. Самое интригующее то, что, согласно данным радиоуглеродного анализа, этот человек жил где-то между 1200-м и 1280-м годами. Тело оказалось средневековым.

Для историков вроде меня такие находки предоставляют заманчивую возможность заглянуть в прошлое, непосредственно, а не благодаря научному исследованию одних безжизненных костей. Мы знаем пол этого человека, его возраст, даже цвет волос — и у нас продолжают живо возникать всё новые настойчивые вопросы. Кто он? Откуда? Какова история его жизни? Это импульс из прошлого, заставляющий глубже всматриваться в то, что мы знаем о времени, когда он жил. Изучение средневековых останков особенно важно сейчас, поскольку эта эпоха по-прежнему понимается неверно. Столетия, зажатые, как в сэндвиче, между веками древнегреческого или римского красноречия и возрождённым классическим миром европейского Ренессанса, кажутся статичным, изолированным периодом. Такой смысл имеют названия, данные ему — «тёмные века», «средние», от латинского *medium aevum* — «средний период». Время определено извне, событиями, происходившими до или после него, определено через то, чем оно не было. И когда мы имеем дело со средневековыми памятниками — будь это тела или стихи, живопись или хроники, мы выделяем именно такие отрицательные характеристики. Мы вплетаем артефакты в ткань завещанного нам, скептического и достаточно мрачного исторического повествования о неприятном моменте в прошлом, когда легко было закончить жизнь с разбитой головой и восковой смесью в крови.

Опрос посетителей, недавно проведённый одним крупным лондонским музеем, где планировалось переделать залы, посвящённые Средним векам и Ренессансу, ясно показал распростра-

нённость такого представления. Для опроса предложили обычным посетителям представить себя в каждой из двух эпох, сначала в эпохе Возрождения, а затем в Средневековье. Каждый респондент должен был сказать, что, как ему кажется, он может увидеть и ощутить в мире вокруг себя. В ответах относительно Ренессанса, дословно записанных, царит изобилие. Похоже, опрашиваемые испытывали искреннее удовольствие, были преисполнены радостным изумлением. «Я во Флоренции, иду в полдень вдоль реки. Мне спокойно, я улыбаюсь. Я модель скульптора, и он ваяет Мадонну с младенцем». Или: «Сияет солнце, тут лужайка и небольшое озеро. Философия, вокруг сидят люди и разговаривают о политике, книгах. Музыка... Я хочу остановиться и помечтать».

Звучит очень мило. Однако когда те же респонденты воображали средневековый мир, всё мгновенно переменялось в худшую сторону: «Тут солдаты, крестьяне, замки, грязные низины... Повсюду Чёрная смерть и чума. Идёт дождь. На лугу пьяные люди, они дерутся. Художников не уважают». «Я в подземелье, тащу мешок картошки, ночью. Здесь холодно и крысы. Зарешечённые окна на уровне пола. Я ворую несколько картофелин для своего новорождённого ребёнка».

Таков стереотип, с которым часто сталкиваешься: примерно с IV века по XVI большинство жило бы в реальности с вариациями от «Храброго сердца» до «Чёрной гадюки». Это был мир общей нищеты, невежества, жалкого убожества, и лишь для того, чтобы воевать среди фантастического мрака. Бесплезная тысяча лет или около того. По меньшей мере, одного из опрошенных в музее посетителей этот расхожий взгляд на Средние века привёл к искажению исторической последовательности. Воображаемый украденный картофель — конечно, не пышный и сочный жареный, а сырой, твёрдый и холодный, на самом деле попал в Европу из Америки в 1570-х годах, уже намного позже того, как рассеялась мгла «тёмных» веков.

Кто или что несёт ответственность за эту картину, не вполне ясно. До известной степени, заниженная оценка прошлого является естественным следствием того, как нам нравится думать о нашем

8 собственном времени. Чтобы выглядеть просвещёнными и современными, нам нужен контрастный фон тёмного невежественного прошлого. Тут, несомненно, поп-культура взялась за дело, с таким ее романтизированным персонажем, как диснеевская принцесса, безжалостно заточенная в старом замке, или с гнетущим насилием пикантных сериалов в духе «Игры престолов». Неслучайно у Квентина Тарантино в культовом фильме 1994 года «Криминальное чтиво» персонаж Винга Реймза – Марселлус, готовясь обрушить кровавую месть на человека, удерживавшего его как пленника, ядовито бросает своей несчастной жертве: «Я поступлю с твоей задницей по-средневековому». Итак, образ эпохи служит и для фантазий на исторические темы, и для гнусной утраты.

Оглядываясь назад, постоянно встречаешься с подобными упоминаниями средневековых ужасов. В XIX веке идея страшных Средних веков имела особенную привлекательность для викторианцев, которые успешно подгоняли прошлое под свой эксцентричный вкус к неоготике и кошмару. Но идея восходит к ещё более раннему времени, когда она повторялась под пером мыслителей эпохи Просвещения. В 1580-х годах пинать всё средневековое было настолько общей модой, что английский антикварий Уильям Кэмден посчитал, что может мимоходом миновать весь этот период в своём большом панорамном труде об английской истории, отделившись немногим больше, чем абзацем-другим. «Я намерен, – пишет он, – только дать вам почувствовать вкус Средних веков, которые были столь затенены густыми облаками или, скорее, густым туманом». Что ещё сильнее впечатляет, сами средневековые авторы, кажется, были первыми, кто концептуализировал свою эпоху как нечто находящееся посередине, между двумя более светлыми, более достойными восхищения историческими моментами. Итальянский поэт и писатель Франческо Петрарка (1304–1374) говорит со смешанным чувством тоски и оптимистического воодушевления о той смене культурных приоритетов, которую он наблюдал в XIV в Италии и которая, как он надеялся, может увлечь за собой средневековый мир:

«Были времена счастливее и, вероятно, они настанут вновь. Между ними, в наш век, ты видишь скопление низости и бед... Моя судьба — жить среди всевозможных смятений и бурь, но, возможно, для тебя, если ты надолго переживёшь меня, чего я желаю и на что надеюсь, наступит лучшее время. Когда тьма рассеется, наших потомков озарит прежний чистый свет».

Подобный взгляд на Средние века, где бы он ни брал исток, вне всякого сомненья, ошибочен. Очистить средневековые реалии от таких искажённых воззрений — вот что было частью моей работы на протяжении десяти с лишним лет и что сейчас является одной из стержневых задач этой книги. Нам не следует относиться к далёкому, как нам кажется, историческому периоду свысока лишь потому, что мы хотим чувствовать своё превосходство. Чтобы представить себе какую-либо сторону средневековой жизни в ее подлинном виде, нам лучше обращаться к тогдашней действительности исходя из неё самой. Мы должны попытаться — что мы и сделаем дальше, насколько это в наших силах, — увидеть действительность такой, какой ее воспринимал наш французский знакомый, прежде чем его препарированное тело застыло на века. Точнее, посмотреть на целый ряд различных персонажей, которые один за другим окажутся в фокусе нашего внимания: врач, лечащий пациента в Равенне VI века, персидский поэт, пишущий эпические стихи в Азербайджане XII века, портниха, шьющая наряд в лондонском Ист-Энде XV века, и многие другие. За карикатурой мы должны усмотреть насущные подробности повседневной жизни. Или, в нашем случае, подробности жизни, смерти и искусства. И, поступая так, мы неизменно обнаружим совсем иную историю, чем история отсталого, грязного средневековья.

Где начало?

Итак, какую же была средневековая жизнь? Мы можем по-разному подступиться к ответу на этот вопрос, в зависимости от времени и места, которые мы выберем для обзора, на всём огромном про-

10 странственном и временном протяжении Средних веков. Ведь это название из двух слов охватывает собой значительный период и целое множество народов, культур, регионов и географических карт.

У столь многокрасочной, сложной эпохи, по понятным причинам, нет отчётливого начала, и время её окончания тоже спорно. Официально часы Средневековья начинают бить с падением Римской империи, которая в предшествующие столетия господствовала над объединёнными в её составе европейскими, азиатскими и африканскими территориями. Получается, что Средние века разом наступили в 476 году н.э., когда король германцев Одоакр низложил последнего императора Западной Римской империи Ромула Августула, покончив с имперским владычеством над Европой. Но на самом деле уже немалое время империя пребывала в состоянии упадка. Мы могли бы точно так же говорить о Средневековье в начале V века, когда северные европейские племена стали постоянно пересекать Рейн, чтобы вторгаться в Италию, или даже ещё двумя веками ранее, когда чрезмерно разросшийся римский мир только начал страдать от политической неустойчивости и экономического спада. Но было бы трудно зафиксировать раннюю фазу Средневековья в один из этих моментов, за отсутствием надёжных свидетельств. Неповреждёнными сохранилось мало сооружений или предметов, ещё меньше — письменных источников, археологические находки скудны. Поэтому большая часть этой книги посвящена лучше документированным, позднейшим этапам Средневековой истории. Однако и тут, даже в конце этой истории, источники не слишком многочисленны, и формальную дату завершения Средних веков так же трудно указать. Нельзя было заснуть в средневековье, а наутро проснуться в чем-то, уже больше похожем на Возрождение. Те новые веянья в мышлении, образе действий, искусстве, которые — как полагают — ознаменовали собой начавшуюся смену исторической парадигмы в Италии XIV века, лишь столетие спустя нашли отклик в Лондоне и Севилье, Тунисе и Иерусалиме. Около двух веков отделяют первых сознательных критиков

Средневековья, вроде Петрарки, от деятельности таких титанов зрелого Ренессанса в XVI веке, как Микеланджело, Сервантес или Лютер, которые всё ещё жили в мире, проникнутом средневековым влиянием. Исторические изменения — это, в конце концов, то, что происходит с отдельными людьми, а не проносится одинаково над всеми странами за одно мгновение.

Тем не менее, общее классическое наследие, бесспорно, связывает воедино средневековую историю всех регионов Средиземноморья, отделяя её от параллельного до некоторой степени хода событий на Дальнем Востоке, в Индии, Китае, в Африке к югу от Сахары или в доколумбовой Америке. Вперёд выступают три культуры, ставшие преемницами римского наследия, каждая из которых, сравнительно с двумя другими, демонстрирует некоторые различия в самих тканях средневекового тела, которые я и хочу попробовать проследить.

Во-первых, это Византия, грекоязычная христианская империя, которая на пике своего развития охватывала Грецию, Балканы, Анатолию, северную Африку и большую часть Ближнего Востока. Византийцы считали себя не столько наследниками античного греко-римского мира, сколько прямыми продолжателями его традиций. Столицей Византии был Константинополь, запруженный толпами мегаполис, во всём блеске изысканной архитектуры и политического величия. Константинополь стал второй, восточной столицей Римской империи в 330 году н.э., когда император Константин переименовал в собственную честь город, прежде известный как Византий. Византийские императоры в течение долгих столетий продолжали возводить свою власть к неумирающим римским корням Константина. Постепенно территория империи и её влияние уменьшались, но непосредственно город перешёл в руки оттоманских турок лишь в самом конце Средних веков, в 1453 году, после тысячелетнего византийского правления.

Во-вторых, преемниками античного наследия были средневековые народы, жившие в Западной и Центральной Европе, от Скандинавии до Италии.

12 динавии на севере до Италии на юге. Некоторые из этих народов нападали и на сам Рим. В отличие от единой империи на Востоке, Запад в раннем Средневековье был раздробленным. Начиная с V века, там непрестанно менялись границы. Могущество переходило от одной из сталкивающихся между собой культурно-племенной группы к другой: между франками, англами, саксами, кельтами, викингами, вестготами, славянами, венграми, лангобардами, болгарами, аварами. Их королевства зависели в отношении своей политической легитимности от военных успехов, а в финансовом отношении — от вооружённого грабежа. Возможно, поэтому имена некоторых из этих народов превратились в современные слова с уничижительным смыслом: например, «вандалы» использовались в Средние века для обозначения конкретной культурно-племенной группы, а «варварами» считались все чужестранцы, говорящие на непонятном языке.

И эти государства отнюдь не были населены нищими похитителями картофеля, как тот, что вдруг появился во время опроса в лондонском музее. Усиленные союзом с римской церковью, эти государственные образования начали приблизительно с 800 года приобретать устойчивость, осуществлять продуманные усилия, направленные на поощрения образования и культуры по образцу Римской империи, которую они завоевали. Ко временам позднего Средневековья многие из них полностью упрочились как многосоставные национальные государства, чтобы сформировать костяк Европы в раннее Новое время. Именно оттуда и распространилась их власть на громадные колонизируемые пространства по всему миру.

Третьим и, возможно, самым неожиданным наследником Древнего Рима стал исламский мир. Поскольку мусульманские народы вышли из редконаселённой Аравийской пустыни в 630-е годы н.э., у них не было непосредственной географической связи с родными странами Константина, Юлия Цезаря или Платона. Но, благодаря сочетанию политической власти и религиозной, они могли с большой скоростью расширять свои владения. Их армии продвигались так быстро по прежним землям византийской и персидской импе-

рий, что через столетие или около того халифат (слово, производное от *халифа*, «преемник», как именовались последующие после Мухаммеда лидеры мусульман) включал в себя Иберийский полуостров, северную Африку и большую часть Ближнего Востока, простираясь до нынешних Афганистана и Пакистана. Как и западная Европа, халифат не был единым государством. Внутренние раздоры вылились вскоре в открытую гражданскую войну и привели к основанию нескольких соперничающих средневековых мусульманских монархий. В отличие от своих христианских соседей, исламские народы были объединены общим языком, арабским. И подъём литературного движения с центром в Багдаде стал временем массовых переводов на этот магометанский *lingua franca* разнообразных древних книг. *Lingua franca* придерживались переводчики с таких различных языков, как греческий, сирийский, персидский, санскрит и пехлеви. После начала в 1095 году первого Крестового похода ради освобождения святых мест Иерусалима исламский мир должен был прийти к почти неослабевающей напряжённости с остальной Европой. Однако, и в частности — в самую раннюю пору своей экспансии, мусульманские государства процветали благодаря религиозной и этнической терпимости, оставаясь для многих народов на Западе партнёрами по торгово-ремесленному и культурному обмену на всём протяжении Средних веков. Когда бы Средневековье ни началось или ни кончилось, согласно нашему мнению, ключ к пониманию этой эпохи как внутренне единой — это факт положительного взаимодействия между Византией, Европой и мусульманством, а не только их противостояние. Множество сложных культур было неразделимо связано общим средиземноморским прошлым.

Мы — тысячу лет назад

И всё же, если бы вы или я могли перенестись на тысячу лет назад, в средневековое прошлое, то, при всей понятной нам логике общих римских начал, мы очутились бы в непривычной

14 обстановке, сразу и разительно не похожей на нашу, и странно знакомой.

Возможно, наиболее изумило бы нас безлюдие. С точки зрения демографии, средневековые народонаселения были значительно меньше нынешних: грубо говоря, сейчас в одной Великобритании живёт столько же людей, сколько в Средние века, вероятно, насчитывалось по всей Европе. Многие обитали в маленьких городках и деревнях, которые были звеньями в цепи преимущественно аграрной экономики. Там нас встретила бы неожиданная тишина – в мире без реактивных самолётов и автотрасс. Но, посетив мы тогдашние крупные города, такие, как Каир, Париж, Гранду или Венецию, из-за кишачей уличной толчеи, оживлённых рынков и сосредоточения жизни в целом, ощущение шума оказалось бы в них таким же, как и во многих современных. Население крупнейших городов могло достигать более полумиллиона человек. Они были центрами разветвлённой политической власти, здесь скапливались представители многообразных ремёсел и, позднее, университетски образованная интеллектуальная элита.

Присутствие религии знакомо нам и по современности, но в средневековой действительности она играла намного большую роль, почти утраченную теперь. Я не говорю, что, подобно тому, как иногда карикатурно изображают, христианство, ислам или иудаизм были единственными темами разговоров. Хорошую аналогию представляют наши современные размышления и диспуты о науке. Мы не хлопаем друг друга по плечу на улице, чтобы поздравить с существованием гравитации, не выражаем непрестанно благодарность и почтение законам Ньютона за то, что они не дают нам слететь с поверхности Земли в космическое пространство. Наука стала основой нашего понимания мира, его прошлого, настоящего и будущего. Религиозное знание – библейская история Творения или повседневная возможность вмешательства Всемогущего в ход дел – было признанной частью средневекового взгляда на мир, но частью, необязательно поглощающей все прочие.

Конечно, когда я настаиваю на том, что мы неверно судим о Средних веках, я не отрицаю, что реальность была во многих отношениях очень суровой. По нынешним стандартам, почти каждый в мире человек до начала XIX века, то есть до эпохи модерна, находился в условиях крайней бедности. Однако средневековые люди при этом знали, что в том, что касается образа и качества жизни, мы все заложники судьбы: она может вознести нас или низвергнуть. На рисунке в испанской рукописи X века представлен образ Фортуны, римской богини судьбы, который также пользовался популярностью у средневековых моралистов.

Увенчанная короной и восседающая на престоле Царица Рока вращает своё колесо, поворачивая вверх и вниз расположенные вокруг него фигуры. На этом рисунке показаны пребывающие в распоряжении Фортуны короли. Одни из них поднимаются, тогда как другие падают вниз головой. Судьба каждого, движимого потоком времени, обозначена латинской надписью возле него: *regnabo* («я буду править»), *regno* («правлю»), *regnavi* («я правил»), *sum sine regno* («у меня нет царства»). Одно движение рычага – и всё опять переменится. Но превратности участи были и реальностью обыденной жизни, а не специфически королевским уделом. Или, по словам английского поэта **Джона Лидгейта**¹:

*The enuyous ordre of fortunat meuyge
In worldly thynges false and flykerynge
Ne wyll nat suffre vs in this present lyfe
To lyven in reste without werre or stryfe
For she is blynde fykell and vnstable
And of hir course false and full mutable*

¹ Джон Лидгейт (ок. 1370–1450) – известный английский поэт, священник, закончивший жизнь монахом. Ученик великого английского поэта XIV века Джеффри Чосера, написавший продолжение его поэмы «Кентерберийские рассказы», также автор поэм на античные сюжеты («Книга о Трое», «История Фив»).